

Журн. Россия 1991, № 1

МИР, ОЗАРЕНИЙ РАДОСТЬЮ

Кайсын Кулев. «Краса земная». Издательство «Советская Россия», 1990, 416 стр, 1 руб, 40 коп.

Н ОВЫЙ сборник избранных стихов балкарского поэта Кайсына Кулева называется «Краса земная». Это поэтический дневник, в котором отражен весь жизненный путь Кайсына Кулева, вся его духовная биография. Детство в высокогорном селении Верхний Чегем, учеба, война, творческая работа... Взросление, возмужание, зрелость, глубокое проникновение в суть вещей и явлений...

В своей прозаической книге «Так растет и дерево» поэт писал:

«Наноторые критики во мне видят мудрого человека и литератора. Они ошибаются. Единственной моей мудростью было то, что я продолжал упорно учиться писать, несмотря ни на какие барьеры и трудности. Потом я убедился в том, что сделанное никогда не пропадает. Как трудно быть мудрым! Мне это не удалось. Сожаления о наших задолженностях всю жизнь сопровождают нас».

На это хочется ответить его же строкой: «Мудрец не говорит, что он умен». Да как не говорить о мудрости стихов, эстетический принцип которых заключается в раскрытии того вечного, нетленного, что есть основа поэзии — да и самой жизни на земле. Красота, доброта, цветение трав и деревьев, ласка материнских рук, тепло детских пеленок.

«Как ты, я понял красоту и сладость бытия, как ты, познал я вкус вина и смерть не поборол», — пишет Кулев в стихотворении «Говорю Омару Хайаму».

Кайсын Кулев не раз признавался, что ему более всего близка музыка Бетховена. И не бетховенской ли «Одой к радости» навеяна его поэма «Радость — золотая птица»? Он пробовал соль и мед, в его жизни были и радостные дни, и печальные, тем не менее он славит мир, пишет такие вот жизнеутверждающие строки:

И блаженством добра и любви
Мир поэтому полон до края,

Радость, птица моя золотая,
Я тебя занлияю: живи!

В поэзии Кулева прослеживается органическая связь с национальными истоками, с мотивами и образами традиционной горской поэзии. Цветок на каменной скале и белые горы, клинок и чинара, куст кизила и сакля, очаг и верный конь... Но, как за-

метил еще Белинский, истинно национальный художник всегда открыт всему миру. И потому Кулеву близка поэзия Грузии, живущаяся Сарьяна, мудрость Омара Хайама...

Я мог бы в Мадриде сражаться:
Везде, негасимый, горит
Свет мужества, воли и братства.
Я мог бы стоять за Мадрид.

Балкарец К. Кулев глубоко воспринял наследие русской классической поэзии и словно бы продолжил традиционную полемику, ведущуюся в ней с давних пор. Он повторяет знаменные строки, чтобы высказать свое мнение. Известное рильеевское «Я на поэт, а гражданин» и пекрасовское «Поэт можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» Кулев перефразирует так: «Героем может он не быть, но быть лжецом поэт не может». А блоковское «И вечный бой...»

Покоя нет и не было от вена:
Опять сверкает молния в горах,
И намень, словно сердце человека,
Сгорает, превращается во пух.

У русских поэтов Кулев учился простоте, лаконизму, точности мысли и слова, естественности. Ему чужда погоня за чисто формальными эффектами. «Высшее мастерство — это сама правда», — говорит он. Главное в его творчестве — глубина чувства, сопереживания. Его стихотворения пронизывают удивительная чуткость и доброта ко всему существу на земле, восхищение перед прекрасным. Они наполнены слой-гуманизма: «Я ваше сердце заслоню от боли, пусть будет болью сердцу моему».

Кайсын Кулев давно и плодотворно работает в литературе. Добился всенародного признания. Пользовался любовью и поддержкой таких признанных мастеров слова, как Александр Фадеев, Борис Пастернак, Николай Тихонов, Александр Твардовский, и многих, многих других. Но о себе говорит:

Меня работа ждет и манят дали,
Я столько строк еще не дописал...

Ирина ТОЛМАЧЕВА